

Дедушкины
медали

«За отвагу»

Евгений
Ворожьев

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛЫЖНИК

Издательство
«МАЛЫШ»
Москва • 1986

6+

Евгений
Воробьев

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛЫЖНИК

РИСУНКИ
П. ПИНКИСЕВИЧА

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Перед вами — медаль «За отвагу». Этой медалью в годы Великой Отечественной войны награждено более четырёх миллионов человек.

Солдат или сержант, удостоенный медали «За отвагу», обязательно должен был совершить подвиг, связанный чаще всего с опасностью для жизни, когда, следуя воинскому долгу, нужно собрать всю силу воли и не поддаться страху. Часто подвиг требовал не только беззаветной храбрости, но и отличной солдатской выучки, сноровки, смекалки.

О солдатской смекалке — родной сестре солдатского мужества — эта книга.

Пермская районная
международно-студенческая ЦСО
Пермской области

Дедушкины
медали

«За отвагу»

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛЫЖНИК

У колодца и дальше, у избы с высоким крыльцом, уже дважды сменились немецкие патрули, а Харламов всё ещё лежал в своей белой берлоге. Справа его укрывал плетень, слева — высокий сугроб.

Харламов зарылся в снег на огороде, за одним из крайних домов деревни. Изредка, когда колени, локти и живот начинали коченеть, он осторожно, боясь загреметь оружием, поворачивался на бок. И снова томительные минуты ожидания. Какими длинными они кажутся человеку, который не ел двое суток и промёрз до мозга костей!

У разведчика-наблюдателя отличное зрение, и сержант Пётр Харламов за сутки пребывания в деревне приметил многое. В колхозных яслях — штаб. В амбаре напротив — склад боеприпасов. У околицы, в доме с каменным фундаментом, — пулемётное гнездо, левее — окопы.

«Эх, наводчикам бы нашим да эти адреса!» — подумал он.

Разведчик при возвращении из поиска должен быть осторожен вдвойне: он рискует и жизнью, и добытыми сведениями. Вот почему Харламов терпеливо ждал наступления темноты, когда можно будет подняться, отрыть из-под снега лыжи и двинуться в обратный путь. Для этого нужно прежде всего пройти незамеченным через деревню, добраться до ближнего леса и двинуться по руслу реки, сжатой крутыми берегами.

Смеркалось. Снег окрасился в пепельно-голубой цвет и быстро темнел.

Внезапно Харламов увидел, что по деревенской улице, в каких-нибудь тридцати шагах от него, скользит лыжник в маскировочном халате. Белый капюшон закрывал шапку, лоб, подбородок, оставляя морозному ветру только узкую полоску лица. В уверенных и лёгких движениях лыжника не чувствовалось усталости.

«Значит,—решил Харламов,—только собрался в дорогу. Должно быть, разведка».

Вслед за первым лыжником, метрах в пяти позади, слегка пристукивая лыжами по насту, шёл второй, за ним третий, четвёртый...

Девять, десять, одиннадцать... Вот промелькнула согнутая под тяжестью какого-то ящика фигура двенадцатого. Харламов подождал ещё немного—никого. Очевидно, двенадцатый лыжник был замыкающим.

«А почему бы мне не стать тринадцатым?—внезапно подумал он.—И автомат у меня трофейный... Такой же, как у немцев».

Не поднимаясь, он разгрёб снег, надел лыжи, продел руки в кожаные петли палок и только после этого поднялся на ноги. Энергичный толчок, другой—и Харламов заскользил по деревенской улице. Он легко мог сойти за

немца, несколько отставшего от своих.

Тотчас же Харламов встретился лицом к лицу с солдатом, который нёс охапку дров. Затем повстречались ещё два, шедшие, очевидно, после смены караула. Они пританцовывали на ходу, пытаясь согреться.

Не отводя глаз, не смутившись, Харламов разминулся с офицером так близко, что едва не задел его плечом. Небритое лицо, чёрные наушники, бархатный воротник офицерской шинели.

Харламов шёл, копируя размашистый шаг лыжников, идущих впереди. Его отделяло от последнего немца не больше сорока—пятидесяти метров. Когда вышли за околицу и отряд растянулся длинной цепочкой, Харламов отстал ещё больше. Он шёл на такой дистанции, чтобы двенадцатый лыжник, обернувшись, не смог увидеть его лица. А кому придёт в голову пересчитывать на ходу, сколько человек движется гуськом друг за другом?

Несколько раз фашисты останавливались на отдых;

они курили, пили из фляг. Тринадцатый лыжник быстро высвобождал ноги из креплений и плашмя падал в снег, уже перекрашенный сумерками в тёмно-синий цвет. Он рад был этим привалам. Сказывался голод и усталость. Всё труднее было тянуться за отрядом.

Отряд вошёл в перелесок, где темнота ещё плотнее, и остановился. Харламов наблюдал, притаившись за елью. Фашисты установили на треноге какой-то прибор. Когда наши орудия за Волоколамским шоссе подавали голоса, фашисты начинали суетиться у прибора. Очень скоро Харламов признал в них «слухачей». Немцы-звукометристы засекали голоса орудий нашей батареи, и Харламов был в отчаянии, что не может сейчас же сообщить об этом в свой дивизион. Батарею необходимо сменить своё местонахождение. И скорее! Скорее!

Под прикрытием ёлочек он пошёл к чаще леса. Было уже совсем темно, когда сержант вскарабкался на крутой заснеженный берег

Ламы и добрался до знакомых мест.

Шёл медленно, еле волоча ноги. Лыжные палки отяжелели в руках, словно они были вырезаны не из бамбука, а из водопроводных труб. Неуклюже прополз через знакомую лазейку в проволочном ограждении. Стал на колени, сложил руки рупором, закричал хриплым, простуженным голосом пароль: «Мушка» — и его услышали.

Он еле держался на ногах, и бойцы повели его под руки, как раненого. От предложения отогреться и отдохнуть в землянке боевого охранения сержант Харламов отказался наотрез.

— Нужно бежать на батарею. Есть срочный разговор с капитаном, — сказал он озабоченно и потянулся к лыжным палкам.

Воробьев, Е.З. Тринадцатый лыжник [текст]: рассказы: [6+]/ Евгений Воробьев; художник П.Пинкиевич.- Москва: Малыш, 1986.- 32с.: ил.- (Дедушкины медали. "За отвагу")